

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Становление переводоведения (переводческого дела) в России представляет собой совокупность таких явлений, как история создания переводных произведений и история их напечатания, эволюция переводческой мысли (принципов перевода), появление плеяды талантливых переводчиков, которые внесли значительный вклад в развитие теории и практики перевода, и многое другое.

Попытки представить в целом историю перевода в России предпринимались неоднократно, однако вряд ли их можно считать полными и законченными. Исследователей привлекали отдельные периоды переводческой мысли, яркие периоды творческого воплощения новых принципов и приемов переводческой деятельности, новые факты, связанные с историей создания отечественной литературы, с международными литературными связями, культурным и литературным взаимообменом и взаимодействием культур. Именно привлечение широких научных данных из области истории и культуры народов позволили сделать выводы об истоках переводческого дела в России.

Период Киевской Руси

Переводческая деятельность в России имеет богатую историю, начало которой было положено еще во времена Киевской Руси. Уже в IX веке на Руси в достаточно зрелой форме одновременно возникли письменность, литература и перевод. В 864 году греческие монахи **Кирилл и Мефодий** были посланы императором Византии для проповедования христианства среди славянских народов. Они начали свою деятельность с создания алфавита (именуемого до сих пор «кириллицей»), с помощью которого перевели с греческого на старославянский несколько религиозных текстов. Среди этих первых переводов были Новый Завет, Псалтирь и Молитвенник. После того, как в 988 году состоялось Крещение Руси, появилось множество переводов, которые должны были ознакомить новообращенных с философскими и этическими доктринами новой религии и с церковными обрядами и

обычаями. Они включали тексты различных жанров, такие как Жития святых, Притчи, Хроники и т.п. в кратчайшие сроки понадобилось большое количество книг для отправления богослужения, книг, из которых можно было почерпнуть сведения об истории церкви, где можно было отыскать толкование богословских вопросов, наставления в христианских добродетелях, прочесть поучительные биографии христианских подвижников. Появление этих переводов было продиктовано потребностями общества, хотя создание рукописи того или иного перевода могло быть вызвано и случайными причинами (переездом того или иного лица, частными потребностями монастыря, индивидуальными склонностями заказчика и т.д.).

Хотя переводческая деятельность была достаточно интенсивной уже в ранний период, древние переводчики находились в сложных условиях: у них не было словарей и пособий, знания о языках не были систематизированы, не говоря уже о каких-либо переводческих принципах. Несмотря на это, в древнюю эпоху появился ряд выдающихся переводных произведений, имеющих эстетическое и литературное значение. Среди них, **кроме образцов церковной литературы, есть и исторические сочинения** («Хроника Георгия Амартела», «Хроника Иоанна Малалы», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), памятники сугубо светского содержания («Повесть об Акире Премудром»), книги естественно-научного содержания, такие как «Шестиднев» – подробное повествование о сотворении и устройстве мира, «Физиолог» – сборник кратких сведений о различных животных и птицах с аллегоричным толкованием их характерных черт и повадок. С помощью памятников переводной литературы древнерусские читатели познакомились с мировыми сюжетами, например, с легендами о деяниях Александра Македонского и сказаниями о Троянской войне в их средневековых версиях. Как свидетельствуют исторические источники, первое знакомство с ними произошло еще в киевскую эпоху, когда стала известна на Руси пятая книга «Хроник Иоанна Малалы», целиком посвященная Троянской войне, и «Псевдокалисфенова Александрия».

Большой популярностью пользовались и апокрифы, повествовавшие о различных чудесах и фантастических происшествиях, некоторые из них уже напоминали то, что позднее называли бы беллетристикой.

Исследователи отмечают высокий уровень переводческого мастерства этого периода, что явилось результатом влияния живого народного языка на язык письменности, а также высокой, выработавшей уже свою традицию, культуры старославянского языка, богатого в лексическом и стилистическом отношении. Эти факторы определили большую меру самостоятельности языка переводов по отношению к языку подлинника.

Однако имя переводчика в этот ранний период никогда не указывалось, и нельзя было определить, сделан ли перевод в самой стране или за ее пределами. Для того, чтобы установить время и место перевода, многие ученые прибегали к разного рода косвенным текстуальным свидетельствам, хотя и не всегда абсолютно надежным.

Монгольский период

Во время тяжелых лет Монгольского ига (1228–1480) переводы продолжали играть важную роль в культурной жизни страны. Были переведены другие части Библии, а многие прежние переводы были исправлены или выполнены заново. Наряду с религиозными текстами появлялось все больше нерелигиозных переводов, например «Индийское царство», «Троянская война», «Александрия» и другие. Большинство переводов делалось с греческого языка, однако некоторые переводчики, по всей вероятности, использовали латинские и древнееврейские источники.

В этот период происходило постепенное формирование русского языка на основе старославянского (церковнославянского) языка и народных говоров. Однако религиозные тексты продолжали переводиться на церковнославянский, который стал языком исключительно церковных богослужений. В то же время контакты с другими странами вызывали необходимость в политических и деловых переводах, где все чаще использовался формирующийся русский язык. В непереводах этого времени исследователи отмечают соединение старославянских и русских элементов.

Московский период

В XVI веке Москва окончательно превратилась в политический, а также переводческий центр России. Переводы больше не были анонимными, а роль переводчиков в развитии языка и культуры начала получать общественное признание. Хотя переводная литература продолжала развиваться, в ней по-прежнему большое место занимали тексты религиозного содержания, в частности – богослужебные книги. В целях развития и совершенствования переводов со среднегреческого языка в 1515 году Великий московский князь Василий III обратился с просьбой прислать в Москву какого-нибудь переводчика из греческого монастыря. Такой переводчик прибыл в Москву в **1516 году** в составе греческого посольства и стал известен под именем **Максим Грек**. В течение всей своей жизни (он умер в 1555 или в 1556 году) Максим Грек занимался переводами, в основном, религиозных книг, а также некоторых нерелигиозных текстов, вносил исправления в ранние переводы и сопровождал их комментариями. Сначала он не знал ни русского, ни старославянского языка, и его переводы делались в два этапа: вначале он делал переводы с греческого на латинский, а затем его помощники переводили с греческого на старославянский. Делая исправления в старых переводах, он нередко нарушал установившиеся традиции, что послужило поводом для обвинений переводчика в ереси и кощунстве.

Максим Грек оставил богатое наследие: он был плодовитым писателем, педагогом и философом. В его трудах нашли отражения некоторые замечания об искусстве перевода, которые являются первыми дошедшими до нас размышлениями на эту тему в России. Максим Грек настаивал на том, что ведущим принципом является тщательный анализ оригинала, позволяющий обнаружить все нюансы и аллегории в его содержании. А для этого переводчик должен не только знать язык, но и обладать обширными филологическими познаниями, а также провести большую подготовительную работу.

Свои переводческие заметки и предписания Максим Грек подкреплял многочисленными замечаниями о лексике, ритмической организации и фонетических особенностях греческого текста, которые должны быть отражены в переводе. Его вкладом в русскую филологию, несомненно, стал словарь «Имена, истолкованные в ал-

фавитном порядке», где разбирались, в основном, греческие, а также некоторые латинские и древнееврейские имена.

Известно также, что впоследствии учениками и последователями Максима Грека – Дмитрием Герасимовым, Власием, Нилом Курлятевым – была создана целая школа перевода.

Хотя в России уже начали понимать, что переводчик должен в совершенстве владеть двумя языками и обладать обширными энциклопедическими знаниями, большинство переводчиков-практиков не были достаточно образованы, и их переводы оставляли желать лучшего.

Начиная с XVII века стало возрастать число переводчиков, занимавшихся главным образом переводом нерелигиозных материалов. Тематика научных переводов включала вопросы астрономии и астрологии, арифметики и геометрии, анатомии и медицины и описания различных животных. Именно в этот период впервые в помощь переводчику были созданы двуязычные словари: латино-греко-славянский, русско-латино-шведский и некоторые другие.

В этот период переводились со среднегреческого и произведения светского содержания, принадлежавшие к историческому и ораторско-публицистическому жанрам. Среди них, например, значительный памятник политического красноречия XV века – **“Рыдание о падении великого града”**, посвященное взятию Константинополя турецкими войсками. Безымянный переводчик, как показало исследование, верно воспроизвёл политическую направленность подлинника, сохранил его страстный пафос, передал богатую образность. Этот пример подтверждает, что образованные и одаренные русские люди, бравшиеся за подобные работы, достигали вершин словесного искусства.

В это же время переводились с западнославянских языков, латинского, немецкого и иных языков разнообразные сочинения светского характера: рыцарские романы, книги по географии, алхимии, врачебному делу и др.

Круг переводческой деятельности все больше расширялся в сторону литературы светского содержания. Так, к XVII веку относятся попытки стихотворного перевода поэзии, например перевод псалмов с польского. Московские бояре заказывали

переводы стихов немецкого поэта Флеминга, посетившего Москву, а в иноземную («немецкую») слободу Москвы в конце XVII века был выписан для перевода (с английского) «Дон Кихот» Сервантеса.

На протяжении долгого периода времени существовало мнение, что в истории древнерусской культуры – в отличие от западно-европейской – не сохранилось определенным образом сформулированных высказываний, которые бы отражали систему взглядов на перевод. Но этот пробел был не только указан, но и заполнен чешской исследовательницей Светлой Матхаузеровой в монографии «Древнерусская теория искусства слова». В главе «Теория перевода» автор, базируясь на исследованиях многочисленных текстов переводов и сохранившихся высказываний о них, установила у древнерусских книжников существование нескольких систем перевода, сменявших друг друга или же действовавших в одно и то же время. Среди них она выделила:

1) утверждение необходимости переводить **«силу и разум»**, иначе принципы перевода по смыслу, по содержанию, обосновываемый литературными свидетельствами еще в XVII веке («Пролог» Иоанна Экзарха Болгарского к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина и так называемый «Македонский листок» – фрагмент рассуждения о переводе);

2) **вольный перевод**, применявшийся преимущественно к произведениям светской литературы («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Хроникам» Георгия Амартола, Иоанна Малалы, «Повести об Акире Премудром», «Александрии» и др.);

3) **принцип дословного воспроизведения подлинника**, перевода «от слова до слова», действовавший с XIV по XVII век при передаче литургических текстов;

4) школа Максима Грека, сущность которой С. Матхаузерова обозначает как «грамматическую теорию перевода», намечая в ней четыре основных аспекта – признание особой важности проникновения в грамматику языка, осознание специфических языков – как грамматических, так и лексических, «стремление приблизить литературный церковнославянский язык к русскому разговорному языку» и, наконец, кри-

тическое отношение к переводимому тексту, служившие предпосылкой как для верной его передачи, так и для исправления старых переводов.

Основные тенденции развития перевода в XVII- XVIII веках

Конец XVII, первая треть XVIII вв., вошли в историю государства российского как эпоха Петра I Великого, известен как период выдающихся перемен в политической, экономической и, как следствие, культурной жизни страны. Для всех областей русской жизни это был не только переходный, но и переломный период.

Кардинальные изменения старого бытового уклада, отход от многих духовных ценностей, перестройка всей жизни государства, новое направление внешней политики, усиленное развитие экономических культурных связей с Западом обусловили необходимость овладеть большим иноязычным материалом – книжным и документальным, освоить многочисленные новые научные, технические, культурные понятия, а также вызвали интерес ко всему иностранному у представителей общественной верхушки. Именно эти обстоятельства, вместе взятые определили рост и развития в течение XVIII в. переводной литературы, охватывающей очень широкий круг как литературного, так и научного материала того времени, а также большое число лексических заимствований из западноевропейских языков (особенно в начале в.) – и не только в переводах, но и в обиходном языке, и усилие в переводах, ставших более массовыми, тенденции к буквальной передаче подлинника. В отличие от допетровских времен уже больше не ощущалось нужды в переводе религиозной литературы, и Петр I, как свидетельствуют исторические источники, весьма категорично выразил в одном из своих указов Синоду (11 сентября 1724 г.): *«Посылаю при сем книгу Пуффендорфа, в которой два трактата, первый – о должности гражданина и человека, другой – о вере христианской, но требую, чтоб первый переведен токмо был, понеже в другом не чаю к пользе нужде быть...»* (Федоров). Именно в этот период начала складываться литературная норма русского языка, и многие образованные люди считали, что перевод является средством обогащения русского языка, а также способствует увеличению его семантического и экспрессивного потенциала.

Теперь к переводам стали предъявлять все более высокие требования. Известно также, что сам царь Петр не стоял в стороне от этого дела, издав специальный закон о переводах, требуя «внятной» передачи переводимого содержания.

Исторические исследования данного периода свидетельствуют о том, что в начале XVIII века переводились прежде всего книги по военному делу, технике, точным наукам, вопросам права и т.п., отвечавшие непосредственно практическим потребностям новой России. Однако скоро возник и стал возрастать интерес к иноязычной художественной литературе. Писатели-переводчики стали обращаться к творчеству новых западноевропейских авторов, и к наследию античного мира, переводились также труды философов и историков.

Важным этапом развития переводоведения стало появление поэтического перевода, как правило, в большей степени это были переводы с французского языка. Выдающаяся роль в этом процессе принадлежала великому русскому ученому и поэту Михаилу Васильевичу Ломоносову. Он и его талантливые современники – Сумароков, Тредьяковский и Державин – создали большое число поэтических переводов. Для переводчиков этого периода были характерны своеобразные состязания: так один и тот же подлинник – будь то псалом, ода французского поэта Жана Батиста Руссо или ода Горация – одновременно переводились двумя или тремя поэтами, и переводы печатались вместе, иногда даже отдельным изданием. Подобные «соревнования» происходили с 1743 года и рассчитаны были на читателей, способных оценить параллельные переводы и различные подходы к переводу одного и того же произведения различными авторами.

По мнению известного специалиста в области теории перевода В. Н. Комиссарова на этом новом этапе развития переводческой деятельности характеризовалось тремя основными особенностями:

Во-первых, эта деятельность приобрела новые организационные формы. Так, в Иностранной Коллегии царя Петра была группа переводчиков, а в 1735 году при Петербургской Академии Наук была создана «Русская ассамблея» – первая профессиональная организация переводчиков. Ее участниками стали Ломоносов, Тредьяковский и некоторые другие члены Академии. Ассамблея занималась отбором книг

для перевода, вырабатывала правила и принципы, которыми должны были руководствоваться переводчики, а также критически оценивала выполняемые переводы. Она также готовила будущих переводчиков: при Академии была создана школа иностранных языков, выпускники которой становились официальными переводчиками. Существовало мнение, что переводчик должен уметь переводить, по крайней мере, не менее чем с трех иностранных языков: латинского, немецкого и французского. Академия также отправляла студентов в зарубежные страны для изучения языков, проводила различного рода экзамены для проверки профессиональной подготовки переводчиков, а также старалась сделать все возможное, чтобы повысить интерес к переводческому труду.

С приходом к власти **Екатерины II**, в России была провозглашена просвещенная монархия, которая содействовала процветанию наук и образования. В изобилии стали издаваться переводные книги, прежде всего учебные и научные. В 1748 году президентом академии было оглашено повеление царицы Елизаветы больше переводить нерелигиозные (гражданские) книги. Позднее канцелярия Академии обратилась с призывом к «дворянам и людям других сословий» заниматься переводами. Именно в это время переводчики стали получать жалование (вознаграждение) за свой труд.

Так, известно, что русский издатель этого времени **Николай Иванович Новиков** широко привлекал к работе над переводами студентов и семинаристов. В качестве поощрения он часто заказывал по два-три перевода одного и того же произведения, щедро вознаграждая переводчиков за их труды, и печатал лучший перевод.

Второй особенностью рассматриваемого периода было изменение характера переводимых книг. Именно в этот период, в эпоху классицизма, возникла идея абсолютного, внеличного перевода: важна была не индивидуальность писателя, а лишь стилистические особенности жанра. Особое внимание уделялось тому, насколько полно и совершенно выражена объективная, независимая от автора идея. И если автор, с точки зрения переводчика, не справлялся с полноценным выражением мысли, то задача переводчика – сделать это за автора. Существовала также тенденция, обя-

зывавшая переводчиков пользоваться опытом предшественников, т.е. заимствовать у них удачные эпизоды.

Следует также отметить, что в начале столетия к переводам классической литературы добавилось большое количество прагматических переводов, которые были столь необходимы для века реформ. Одновременно изменилось и соотношение языков, с которых делались переводы: все больше стали преобладать такие современные языки, как французский, немецкий, английский, в то время как польский язык утратил свою популярность.

С течением времени «технические» переводы утратили свою популярность, уступив свое место переводам литературным.

Поскольку профессия переводчика к этому времени была общепризнанна, их труд считался служением отечеству, а значимость переводческой деятельности подчеркивалась в многочисленных предисловиях к переводам. Сами же переводчики считали своей главной задачей просвещение соотечественников, создание новой русской литературы и, как следствие, – улучшение нравов. Именно с этого времени литературный (художественный) перевод приобрел в русской культуре высокий статус. Кроме того, перевод стал рассматриваться как вид творчества, столь же заслуженный, как и создание оригинальных художественных произведений. Именно это новое представление о социальной значимости и функциях перевода составляет третью особенность перевода на данном этапе развития.

В связи с расцветом литературного перевода, а также с особыми требованиями, которые стали предъявляться к переводу художественных текстов, функции переводчика несколько изменилась. Он стал выступать в роли соперника автора оригинала, а порой даже старался превзойти оригинал.

Более того, наряду с писателями, которые занимались переводом параллельно с оригинальным творчеством, стали появляться литераторы, специально посвящавшие себя переводческой деятельности, избравшие ее как свое основное дело – переводчики–профессионалы (С. Волчков, Кондратович, Гамалов-Чураев и др.). Итак, перевод превратился в особый вид профессиональной деятельности

XIX век в истории русского перевода

Золотым веком для русского перевода стал XIX век. Если в предыдущем столетии перевод превратился в особый вид профессиональной деятельности, то в XIX веке эта деятельность была возведена в ранг высокого искусства. Новая русская школа перевода начала формироваться благодаря, в первую очередь, выдающемуся вкладу таких известных деятелей культуры, как историк **А. Карамзин**; поэты **В. Жуковский**, **А. Пушкин**, **М. Лермонтов**; критик **В.Б. Елининский** и другие.

Отличительной чертой данного периода является то, что в конце XVIII-начале XIX века в русских переводах широко представлена тенденция к переделке подлинника, выливающаяся в так называемое «склонение на наши нравы». Так, например, Державин в своем вольном переложении стихотворения Горация «*Beatus ille qui procul negotiis*», озаглавленном им «Похвала сельской жизни» (1798), сначала более или менее близко придерживается подлинника, а потом отступает от него и переносит читателя в чисто русскую обстановку, с такими деталями, как «горшок горячих добрых щей», празднование «Петрова дня»; кроме того, он упоминает блюда современной французской кухни («устрицы», «фрикасе», «рагу»). Тем самым то в большей, то в меньшей степени стирается грань между переводом и собственным творчеством поэта.

И в дальнейшем это «склонение на наши нравы» получает большое распространение. Такой способ передачи означал, разумеется, весьма свободное обращение с текстом подлинника в его целом, устранение черт, чуждых переводчику, «украшение», сглаживание резких особенностей, изменение стихотворной формы (размеров, строфического построения и т.д.).

Василий Жуковский в начале своего творчества был еще близок к французской точке зрения (XVIII века) на перевод как на задачу, требующую «усовершенствования» оригинала, которое в конечном итоге может привести к созданию совершенно самостоятельных по оригинальности произведений. Однако уже и в ранних его высказываниях о переводе есть особенности, выходящие за рамки классици-

стической поэтики перевода и предвосхищающие дальнейшее развитие этого искусства.

Требую для переводчика поэтических произведений большой творческой свободы по отношению к тексту оригинала, Жуковский мотивировал это несоответствием языков и необходимостью поисков таких средств, которые полнее всего раскрывали бы характеры и переживания героев и весь смысл переводимого.

Жуковский перевел очень много, и переводы составляют едва ли не больше половины написанного им. Значение его переводов было в том, что они оставляли у читателя впечатление художественной подлинности, как будто перед читателем находилось оригинальное произведение. Крупной заслугой Жуковского является то, что он, притом сравнительно рано (1817 – 1819 гг.), перевел на современный ему русский язык «Слово о полку Игореве», и перевел максимально просто, не прибегая к привычным стихотворным формам своего времени, без рифм и «украшательств».

Следует отметить, что на примере Жуковского, высоко оцененного и современниками, и потомками, всё же видно, что в XIX в. перевод рассматривался как второстепенная и менее полноценная деятельность, чем оригинальное литературное творчество.

Новую эпоху в истории русского перевода, как и во всей истории русской литературы и в истории русского литературного языка, открывает собой время Пушкина и то влияние, которое его творчество, и поэтическое и прозаическое, оказало в своем целом на развитие русской литературы, в том числе – переводной.

Александр Пушкин постоянно проявлял большой интерес к переводческой проблематике, и его критические заметки о переводах отличаются объективностью и глубиной. Он подчеркивал важность правильного отбора литературных произведений для перевода, а его требования верности оригиналу в сочетании с высоким качеством и выразительностью литературного стиля переводчика оказали благотворное влияние на лучших переводчиков России в XIX и XX веках.

Как отмечают исследователи, стихотворные переводы Пушкина, в общем немногочисленные – особенно в первой половине творчества, связаны вначале еще с

принципами классицизма, а в дальнейшем – с романтизмом – далеки от внешней точности и граничат с творчеством оригинальным.

Пушкин в разные периоды своей жизни перевел эпиграммы французских поэтов XVII–XVIII веков, стихи Вольтера и Парни, отрывок из поэмы последнего, отрывки из поэзии Андре Шенье и древнегреческой лирики, оду Горация, отрывки из поэмы Ариосто, баллады Мицкевича, близкие к фольклору («Будрыс и его сыновья», «Воевода»), и вступление к его поэме «Конрад Валленрод», наконец, отрывки из «Корана», из библейской «Песни Песней». Бросается в глаза постоянное расширение круга материала, стремление поэта к передаче все более своеобразных и характерных для того или иного периода поэтических произведений.

Переводы Пушкина из французских поэтов XVII–XVIII веков часто представляли собой спор с авторами подлинников: поэт сокращал, переделывал, перестраивал художественно незначительные по темам стихи Парни или эпиграммы словно бы для того, чтобы показать, как по-настоящему следует обработать ту же мысль, тот же сюжет, придав им пафос или остроту.

Своеобразен и характер прозаических переводов Пушкина, принадлежащих к области литературы мемуарной и исторической («Записки бригадира Моро-де-Бразе», «О железной маске» – отрывок из «Истории века Людовика XIV» Вольтера) или этнографической («Записки Джона Теннера») и предназначенных для опубликования в журнале. Они относятся к последним годам жизни писателя и отражают наравне с оригинальной прозой мастерство периода наивысшей зрелости. Пушкин и здесь не придерживается дословной близости к подлиннику, кое-где он сокращает предложение, устраняет многословие оригинала, а временами перевод заменяет сокращенным пересказом (в отрывке из «Записок Джона Теннера»).

Принцип украшающего, «исправительного» перевода, столь распространенный во Франции XVII–XVIII веков, вызвал, как показано выше, жестокую критику Пушкина, связанную с требованием уважать своеобразие иностранного автора. Но отрицание буквального перевода, приводящего к насилию над родным языком, является столь же характерной чертой взглядов Пушкина на перевод, как и требование смысловой верности и сохранения своеобразия оригинала.

Пушкин отвергал «подстрочный перевод» считая, что он никогда не может быть верен, поскольку каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры и выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Таким образом, Пушкин отрицал не возможность перевода вообще, а перевод буквальный, передачу «соответствующими словами».

Почетное место в истории перевода в России принадлежит **М. Ю. Лермонтову**. Как отмечают исследователи, переводам Лермонтова, относящимся к 1829–1841 гг., свойственна глубокая самостоятельность по отношению к оригиналу. Лермонтов переводил произведения Байрона, Шиллера, Гейне, Гете, при этом некоторые его переводы стали вариациями на тему подлинника.

Лермонтов коренным образом видоизменил некоторые из переводимых им стихотворений (в частности, стихотворения Гейне), устранив одни мотивы детали, добавив другие, оттенив тем самым лишь некоторые характерные черты оригинала. Так, например, в переводе из Байрона «Душа моя мрачна» он еще более усиливает пафос и трагизм, отличающие английский текст.

Его переводы значительны, прежде всего, в русле его собственного творчества, как русские стихи, ставшие классическими. Однако, именно благодаря своим высоким художественным достоинствам, они для развития перевода сыграли плодотворную роль, являясь подтверждением и иллюстрацией того принципа, что действительность перевода в первую очередь зависит от его литературной (в данном случае – поэтической) силы как произведения русского слова.

Хотя в этот период большинство переводчиков ратовало за вольный перевод, некоторые из них продолжали настаивать на максимальной близости перевода к оригиналу, на крайнем буквализме даже в ущерб смыслу и понятности. Среди них были и такие известные литераторы, как **П. Вяземский, Н. Гнедич, А. Фет**, которые много переводили с разных языков.

Так, Фет, являясь сторонником формальной точности и дословности в переводе, а также, будучи единственным защитником данного принципа, придерживался мнения: «Счастлив переводчик, которому удалось, хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением ... Но не в

этом главная задача, а в возможной буквальности перевода: как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала ...».

Кроме существовавших в тот период тенденций к «склонению на наши нравы» и буквального перевода находил принципиальных защитников и третий метод – сглаживание.

При переводе поэтов с резко выраженной индивидуальной манерой, поражавших яркой и необычной образностью – например, Шекспира – происходило нередко смягчение и ослабление таких черт и замена, сжатых образных формул распространенными многословными описаниями. Переводчик нескольких трагедий Шекспира и известный критик **А. В. Дружинин** пытался дать принципиальное обоснование этого сглаживания в предисловии к своему переводу «Короля Лира» и в других статьях о Шекспире. Он считал, что необычные метафоры Шекспира несвойственны «духу русского языка» (по крайней мере, современного ему). В дальнейшем, правда, метод перевода Дружинина эволюционировал в сторону большей стилистической близости к оригиналу.

В области перевода прозы яркой и своеобразной фигурой был **Иринарх Введенский** (40-е – начало 50-х годов), переводчик Диккенса и Теккерея. По своему принципиальному стремлению – передавать не букву, а «дух» подлинника он мог бы быть сопоставлен с некоторыми переводчиками-поэтами того же периода, если бы это стремление не переходило у него постоянно в субъективный произвол, даже в насилие над оригиналом. Он чрезвычайно свободно обращался с его текстом, переиначивая его на свой лад вплоть до прибавления целых фраз и абзацев от себя, но вместе с тем он понимал своеобразие Диккенса и Теккерея и по-своему передавал их, умея дать почувствовать читателю и эмоциональную окраску оригинала, и его ритм. Его переводы, сделанные живым, свободным от всякой дословности языком, тем не менее, часто грешат небрежностью оборотов, а иногда и простой безграмотностью (вроде: «облокотился головою» или «жестокосердные сердца»). Кроме того, И. Введенский, не заменяя английских имен русскими, заменял детали быта и обстановки, как бы перенося их в свою среду (например, вместо «пледа» – «бекеша»).

В течение долгого времени переводы его считались чуть ли не образцовыми, полностью заменяющими подлинники. Лишь много позднее в результате внимательного сличения с подлинниками был вскрыт его произвол в обращении с текстами иностранного автора.

Иринарх Введенский высказывался о переводе и как критик-теоретик, пытаясь обосновать в журнальной статье свою манеру работы, свой подход к иноязычному материалу, и ссылаясь при этом на «дух автора», на необходимость практически решать вопрос о том, как бы выразился автор, если бы жил в России и писал по-русски.

Разнообразные и противоречивые принципы и тенденции, наблюдаемые в русских переводах середины XIX века, получили глубокую и всестороннюю оценку в суждениях известных критиков того времени – Белинского, Чернышевского и их единомышленников.

Белинский был сторонником мнения о том, что форма неотделима от содержания, что для стихов «прозаический перевод» является самым неточным, несмотря на всю свою близость, верность и точность. Он также делал различие между переводом «поэтическим и художественным», по его мнению, поэтический перевод – это «первоначальное талантливое ознакомление с лучшими образцами мировой культуры, которое должно привлечь сердца читателей к переводимому автору». Перевод художественный должен воспроизводить все эстетические особенности подлинника, т.е. «переводчик должен стараться передать дух Создания, а не букву».

Взгляды Белинского, по мнению исследователей, представляют несомненную близость к суждениям Пушкина, основной причиной этому служит требование содержательности, обращенной как к оригинальной, так и так и переводной литературе.

Белинский, подобно Пушкину, отвергал дословный перевод, понимая языковую задачу перевода как воссоздание духа оригинала. Прочитируем его рассуждение по этой проблеме: «Правило для перевода художественного произведения одно – передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он

был русским. Чтоб так передавать художественные произведения, надо родиться художником».

В художественном переводе не допускается ни выпусков, ни прибавок, ни изменений. Если в произведении есть недостатки – и их должно передать верно. Цель таких переводов есть – заменить по возможности подлинник для тех, которым он недоступен, по незнанию языка, и дать им средство и возможность наслаждаться им и судить о нем».

Принимая во внимание вышесказанное, мы можем выделить основные переводческие принципы, которые Белинский считал ведущими: 1) отрицание всякого «украшающего», «исправительного» перевода, 2) требование соблюдать своеобразие подлинника, даже его недостатки, 3) взгляд на перевод, как на полноправную замену оригинала, предназначенную для широкого круга читателей, 4) особый смысл, вкладываемый в понятие «художественный перевод», предполагающее высшую степень соответствия оригиналу – в отличие от понятия «поэтический перевод», за которым критик признавал право на известную свободу по отношению к подлиннику, если она оправдана соблюдением его «духа».

Идущую от Белинского традицию идейного, художественно обоснованного подхода к оценке переводов продолжили **Чернышевский и Добролюбов**. Внимание Чернышевского в области переводной литературы привлекали, прежде всего, вопросы выбора. Он восставал против необдуманности, произвольности отбора переводимых произведений. Что касается требований, предъявляемым Чернышевским к переводу, то он резко возражал против стремления к чрезмерной, т.е. дословной, близости в передаче подлинника и против индивидуального произвола переводчика.

Добролюбов так же, как и Чернышевский, одним из основных требований, предъявляемых к переводу, считал – правильность, выступая при этом против всякого рода смысловых искажений, вызываемых либо плохим знанием языка, либо небрежностью и произволом.

В последней трети XIX века количество переводных изданий все увеличивалось; в частности, вышли в свет собрания сочинений таких авторов, как Гейне, Шекспир, Шиллер, Гёте и многие другие. Но вместе с тем падало и качество самих

переводов: они все чаще приобретали ремесленный характер, часто не передавали стилистического своеобразия подлинника. Ухудшение качества переводов выражалось, прежде всего, в постоянном сглаживании характерных особенностей, разрушавших единство содержания и формы произведения.

Перевод в XX веке

В конце XIX – начале XX в. в период поисков новых форм в искусстве, усилилось внимание к форме и в переводе. Максимальной близости к подлиннику добились **Александр Александрович Блок** (1880-1921), **Иван Алексеевич Бунин** (1870–1953), переводчик «Песни о Гайавате» Г. Лонтфелло, **Валерий Яковлевич Брюсов** (1873–1924).

Психологическая концепция в филологии, согласно которой языковое и национальное своеобразие народа не поддаётся полноценному описанию средствами другого языка и с позиций иной культуры, привела Брюсова к «научному буквализму» (особенно в его переводах из античных авторов, Гёте, Э. По). Придавая особое значение системно-языковым значениям и ассоциациям в понимании подлинника, он сознательно шёл на нарушение обыденных норм русского языка в переводе, его перевод был трудным и непонятным для широкой аудитории.

Следует отметить, что об этом свидетельствуют даже краткие цитаты из его переводов, например, следующий отрывок из брюсовского перевода «Энеиды» Вергилия: *(«Нет, никто безнаказанно выйти не мог бы встретить его при оружьи, пошёл ли бы пеш на врага он, пенными ль шпорами он лопатки коня уязвлял бы ...»*

При этом переводы, основанные на методе Брюсова, адресуются подготовленной научной аудитории и призваны как бы дать ей прочесть оригинал без изучения его языка.

Исследователи отмечают, что предназначая свои переводы из латинских классиков для филологов, историков и литераторов, он стремился, чтобы через перевод они постигали незнакомую культуру, образ мысли и способы её выражения. Вот почему, переводя “Энеиду” Вергилия, Брюсов хотел максимально сохранить все обра-

зы и даже порядок слов подлинника. Например, вергилевскую синекдоху (*киль* вместо *корабль*) он оставляет в переводе (надёжная гавань для *килей*). Вместо привычного *небосклон* или *небосвод* он писал *полюс* или *ось*: если первые два слова внушают читателю образ небесного полушария над плоской землёй, то латинские поэтические *полюс* или *ось*— образ небесной сферы вокруг шарообразной земли.

В тоже время в 30-е гг. аналогичные принципы нередко применялись и для перевода произведений, рассчитанных на массовое чтение. От наивного буквализма переводчиков-ремесленников XIX в. их отличали попытки подвести под формализм «научную» базу. В этих работах понятию стиля произведения примешивались и формально-структурные элементы иностранного языка, его так называемые «конвенциальные нормы». Такие переводы встречали резкую критику.

По мнению известного литературоведа и переводчика **Ивана Кашкина**, который приводил в качестве негативного примера такие попытки передать юмор автора из некоторых переводов Диккенса: «он занимает место на вершине и макушке общества»; «он в ужасном состоянии любви»; «она подбодрила его одной из своих любимых конечностей – локтём». Для формалистов 30-х гг. по мнению И. Кашкина, были характерны:

- 1) дотошная, мнимая точность, мертвящая художественное обаяние подлинника;
- 2) неверие в возможности русского языка и разрушение его норм в угоду англицизмам;
- 3) капитуляция переводчика перед мнимо непонятным;
- 4) общая напряжённость языка в результате следования чужой интонации и синтаксису;
- 5) преувеличенное внимание к передаче социальных диалектов и жаргонов;
- 6) игнорирование слов более поздней эпохи, чем эпоха автора, т.е. преувеличенная архаизация перевода;
- 7) нетерпимость к иным подходам.

После Октябрьской революции 1917 года в России произошёл новый подъём переводческой деятельности. По инициативе М.Горького было сразу же создано но-

вое издательство «Всемирная литература», поставившее перед собой грандиозную цель: издание и исправление переводов всех крупных произведений как западных, так и восточных литератур. Несмотря на огромные материальные и организационные трудности, это издательство сумело в течение последующих десятилетий опубликовать переводы книг многих выдающихся писателей и поэтов – Бальзака, Анатолия Франса, Стендаля, Гейне, Шиллера, Байрона, Б.Шоу, Марка Твена и многих, многих других.

Большое число переводов было также издано в 30-е годы и позднее другими общесоюзными и местными издательствами. В этой работе принимали участие выдающиеся учёные и литераторы, которые подняли искусство перевода на новый высокий уровень. Заслуженную известность приобрела целая плеяда талантливых переводчиков, и имена таких мастеров перевода, как **М. Лозинский, Т. Щепкина-Куперник, С. Маршак, Н. Любимов, Е. Калашникова** и многие другие пользовались заслуженным уважением в Советском Союзе и за рубежом.

Огромную работу в разработке принципов перевода и ознакомления русского читателя с литературой Англии и США проделали **Корней Иванович Чуковский** (1882-1969, переводил Марка Твена, У. Уитмена, О. Генри), Самуил Яковлевич Маршак (1887-1964, переводчик сонетов Шекспира, лирики других английских поэтов, народных детских песенок и стихов), уже упоминавшийся Иван Александрович Кашкин (1899-1963, переводчик «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, Э.Хемингуэя и других американских писателей).

Необходимо подчеркнуть, что растущим масштабом переводческой деятельности в немалой степени способствовало то, что Советский Союз был страной многонациональной. В стране происходил широкий обмен произведениями литератур населявших её народов. Русские читатели получали возможность познакомиться с замечательными эпосами грузинского, армянского, узбекского, казахского, азербайджанского и других народов. Большой вклад в эту работу внесли известные русские писатели и поэты Михаил Лозинский, Борис Пастернак, Николай Тихонов и другие.

«Намеренная свобода, без которой не бывает приближения к большим вещам» - таково было переводческое кредо **Бориса Леонидовича Пастернака** (1890–1960).

Он перевёл ряд пьес Шекспира, «Фауста» Гёте, стихи многих поэтов, с которыми подчас соперничал его самообытный талант, наложивший отпечаток на все его переводы.

Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955), также переводивший пьесы Шекспира и других драматургов, «Божественную комедию» Данте, был ближе к методу Брюсова, однако он избежал буквализма.

В 30 -е гг. прекратили своё существование частные и кооперативные издательства, и вся работа по изданию как художественных и публицистических, так и научно-технических переводов сконцентрировалась в нескольких крупных государственных издательствах. С этого времени и до второй половины 80-х гг. вся работа по изданию переводов, как и прочих произведений, проходила под строгим (хотя и постепенно ослабевшим в 70-е–80-е гг.) контролем, который распространялся как на переводимые произведения, так и на работу переводчиков.

Однако в то же время концентрация переводческих и редакторских кадров вокруг крупных издательств способствовало тому, что средний уровень художественного перевода в стране оказался очень высок.

Появлению прекрасных переводческих работ способствовали, как это ни парадоксально, запреты и ограничения на собственное творчество ряда выдающихся писателей и поэтов – **Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой** и других. В то же время им было разрешено заниматься переводами, чтобы обеспечить себе заработок, и они показали блестящие образцы переводческого мастерства!

Следует отметить, что во второй половине 20-го столетия произошли количественные и качественные изменения в переводческой деятельности во всём мире, в том числе, разумеется, и в России. И здесь резко возросла потребность в информативных (нехудожественных) переводах в социальной, политической, деловой и научно-технической сферах. Профессия переводчика стала массовой, а увеличение масштабов переводческой деятельности сопровождалось и организационными изменениями. Появилось большое число переводческих служб и отделов в штатах государственных учреждений и промышленных предприятий. Многие переводчики занимали штатные должности, другие работали на договорной основе. Наряду с ин-

формативными переводами продолжали издаваться большими тиражами и переводы литературных произведений. Учитывая масштабы переводческой деятельности и общее высокое качество переводов. Были все основания считать Советский Союз великой переводческой державой.

Для удовлетворения растущего спроса на профессиональных переводчиков в стране была создана сеть соответствующих учебных заведений. В ряде институтов иностранных языков открылись переводческие факультеты и отделения, переводчиков стали готовить в университетах и некоторых технических вузах. Многие вузы организовали для своих студентов занятия по переводу в дополнение к их основной специальности.

Переводчиков художественной литературы готовили в Литературном институте имени М. Горького при Союзе писателей СССР, в основном, для переводов с языков народов Советского Союза.

Многогранная деятельность советских переводчиков получила широкое общественное признание. Многие журналы регулярно печатали переводы с разных языков, а также критические статьи с разбором успехов и неудач в работах переводчиков.

В 50-е гг. появилась новая плеяда выдающихся переводчиков с английского – Т. Г. Гнедич, М. Ф. Лорие, Е. Д. Калашникова, Н. А. Дарузес, В. М. Топер, Н. А. Волжина, Р. Я. Райт-Ковалёва и многие другие. С 1955 г. стал выходить журнал «Иностранная литература», в котором главное место занимают переводы.

Было начато немало серийных переводных изданий («Мастера современной прозы», «Зарубежный роман XX века»), антологий литературы зарубежных стран. Уникальным изданием стало 200-т томная «Библиотека всемирной литературы» (1967–1977), которая, несмотря на некоторые просчёты и ограничения, достойно представила значительные произведения от древности до современности.

Большую роль в повышении качества сыграла и усиленная разработка перевода в работах отечественных лингвистов и литературоведов. Среди них – одна из первых монографий по теории перевода «Введение в теории перевода» А. В. Фёдорова (1953).

Особенно бурно теория перевода развивалась в 60-ые-70-ые гг. Событием в переводческой науке становился выход каждой новой книги о переводе – «Основы общего и машинного перевода» (1964) И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга, «Перевод и лингвистика» А. Д. Швейцера (1973), «Теория перевода и переводческая практика» Я. И. Рецкера (1974), «Язык и перевод» (1975) Л. С. Бархударова. Настоящей одой художественному переводу стала книга К. И. Чуковского «Высокое искусство» (1964). На этих книгах учились многие поколения будущих переводчиков, не утратили своей ценности они и сейчас.

Лучшим периодическим изданием по переводу был нетолстый ежегодный сборник «Тетради переводчика». В нём находилось место и для серьёзных теоретических статей, и для критической полемики, и для интересных рассказов из переводческого опыта, и даже для шутливых заметок. Увы, просуществовав с 1963 по 1989 г., «Тетради» перестали выходить из-за нехватки средств. Много интересных материалов, посвящённых художественному переводу, содержали и солидные сборники «Мастерство перевода», выпускавшиеся издательством «Советский писатель» в 1959–1979 гг. с нерегулярной периодичностью.

С середины 80-х гг. стали возникать новые издательства. Конец 80-х гг. характеризовался стремлением как издательств, так и журналов утолить жажду читателей на те произведения, которые прежде не переводились или находились под запретом.

Кроме серьёзной литературы, высоким оказался спрос на произведения “массовой культуры” – развлекательные романы, детективы, мистику и т.п. Таких книг прежде не было в свободной продаже, и издателям важно было быстро занять образовательную нишу. В связи с этим от переводчиков требовались лишь переводить быстро и не предъявляли особых претензий к качеству переводов.

Другой важной тенденцией стал поворот страны лицом к внешнему миру и вступление на отечественный рынок иностранных и совместных компаний и предприятий, которым в больших объёмах потребовались переводы деловой, информационной и юридической документации.

Все эти тенденции, а также попутное осложнение ситуации на рынке труда, привели к тому, что в ряды переводчиков влилось большое число людей, не имев-

ших специальной переводческой подготовки. Во всех видах перевода можно, пожалуй, говорить о серьёзном снижении качества переводов.

Несмотря на то, что владеть иностранным языком стало более престижно, уважение к переводческому труду явно упало. Не редкость, например, когда при издании переводных книг издатели даже не указывают фамилии переводчика. Не упоминают её и в конце многочисленных телесериалов, когда идёт перечисление озвучивавших фильм актёров, режиссёров и звукооператоров.

Во многом в падении престижа переводческой профессии повинны и сами переводчики, не всегда стремящиеся к должному профессионализму, а также к признанию собственного труда. В конце 80-х гг. в России начали создаваться ассоциации переводчиков, но их роль оказалась номинальной, и особого влияния на состояние переводческого дела в нашей стране они до сих пор не оказывают.

После распада Советского Союза характер переводческой деятельности и ситуация на рынке существенно изменилась. С одной стороны, государственные издательства, занимавшиеся переводами, перестали финансироваться, резко сократили выпуск продукции или вообще прекратили своё существование. С другой стороны, была ликвидирована цензура и стали переводить произведения, бывшие ранее под запретом по идеологическим или моральным соображениям. Возникло множество частных издательств, цены на книги возросли, качество переводов, в целом снизилось. Рынок был наводнён переводами книг, предназначенных для “лёгкого” чтения детективных, эротических, порнографических и т.д.

Однако, и в это «смутное» время были переводчики, известные не только в кругу коллег, но и пользовались общественным признанием. Так, на счету у переводчика Алексея Михалёва были отличные переводы романов М. Спарк, Дж. Джонса и других авторов, но одновременно он активно занимался переводом видеофильмов. Когда в 1994 г. он ушёл из жизни, выяснилось, что многим зрителям видеофильмов знакомы и близки не только его голос и стиль как переводчика, но и его имя; газеты посвятили ему статью, а телевизионные каналы – сюжеты в своих передачах.

Что же касается художественного перевода, то в самое последнее время заметны признаки того, что повышенный спрос на литературный «ширпотреб» прошёл, а с укреплением и развитием новых и реформированных издательств всё больше выходит изданий, качество переводов которых весьма высоко.

Новая ситуация по-разному отразилась на переводчиках. В 90-ые годы прошлого столетия большая часть переводов стала выполняться с английского языка и относительно хорошо оплачивалась. Однако спрос не переводчиков английского языка побудил заняться переводами многих непрофессионалов, что привело к появлению на рынке неполноценных переводов. Новые издатели стремились как можно скорее выпустить новые переводы, чтобы опередить конкурентов, и не заботились о создании переводческих шедевров.

По-разному обеспечивается вознаграждение переводческого труда. Хорошо оплачиваются переводчики английского, немецкого, французского, японского и китайского языков, работающие в различных коммерческих фирмах и совместных предприятиях. Напротив, переводчики с других языков оказались в тяжёлом положении и с трудом находят работу. Особенно пострадали переводчики с языков ограниченного распространения, прежде имевшие заработок, находясь в штатах государственных издательств.

Несмотря на указанные трудности, переводческая деятельность в России в конце 20-го столетия сохранила свои масштабы и социальную значимость. Продолжается подготовка переводчиков в учебных заведениях, создаются профессиональные объединения переводчиков, готовятся законодательные акты, регламентирующие переводческий труд. Российские учёные, внесшие большой вклад в создание науки о переводе, продолжают исследования в этой важной области человеческой деятельности.

<http://linguistics-konspect.org/?content=6917>

<https://uchebnikfree.com/inostrannyim-yazyikam-obuchenie/perevod-rossii-xviii-60363.html>

<https://studfile.net/preview/6392931/page:11/>

<https://studfile.net/preview/2915853/page:4/>

